

Другой Ефремов

Ставит "Демона" в "Новой опере"

Культура —
1999 — 28 янв —
3 февр — с. 10

"Новая опера" настойчиво держит линию на союз с драмой в лице ее видных режиссеров, прежде не имевших (что для колобовского предприятия, по-видимому, важно) профессиональных контактов с оперой. Были Арицибаишев, Белякович. Теперь — Михаил ЕФРЕМОВ, из нового театрального поколения, режиссер-постановщик с 16 постановками в багаже, а также известный возмутитель общественного спокойствия, склонный к сарказму, парадоксам и крайностям. Мы беседуем с ним в преддверии премьеры, назначенной на 30 января.

— Опера — бред? Почему? Я так не думаю.

— Тогда что она такое?

— Энергия, выраженная в музыке.

— Вы как будто учебник цитируете.

— Это я давно придумал, перед первым выступлением на труппе, надо было что-то красивое сказать.

— Получив предложение от "Новой оперы", вы стояли перед выбором: принимать — не принимать?

— От таких предложений не отказываются. Не скажу, что всю жизнь мечтал об этом, но — мечтал. Правда, теперь, когда эта мечта стала все больше обретать черты реальности, становится все страшнее и страшнее. Как в казино.

— Страшно проиграть?

— Нет. Страшно оттого, что это Лермонтов, страшно оттого, что это "Демон", что это опера, что "Новая опера", — вообще все страшно.

— У вас не было ощущения, что, ступив из драмы в оперу, вы по-

пали в тюрьму? Заданный ритм, темп, актеры не такие, как в драме...

— Абсолютно нет. А что касается актеров — дело в не артистическом даровании или пресловутом ремесле (о котором некоторые наши ведущие педагоги говорят как о главном в профессии). Я думаю, что самое главное — это желание. Есть оно — всегда получится.

— С чего вы начали, берясь за "Демона": открыли Лермонтова, кинулись читать музыковедческие труды, пошли на консультацию к деду, Борису Александровичу Покровскому?

— Открыл, читал, к деду пошел. Минут 40 — 45 беседовали, он сказал, что это совершенно другой мир со своими правилами, нельзя, например, теноров ставить рядом с басами, а альтов с сопрано... Он мне много помог. Но помогает и то, что здесь очень слаженная команда. И все работают в удовольствие — я такого давно не видел.

— У вас не было желания что-

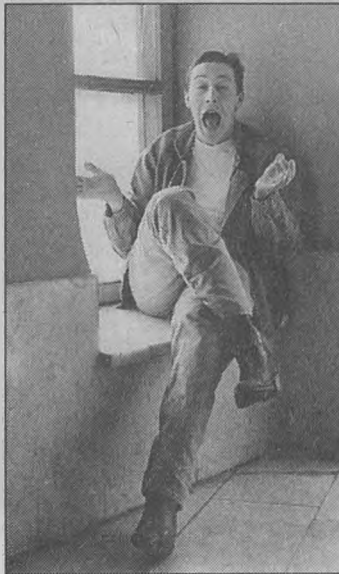

Фото А. БЕЛЫХИНА

нибудь переkreить в оперной партитуре, как это сделал, скажем, Любимов в своей "Тиковой даме" (тем более что "Демон" не самое совершенное в оперном мире творение)?

— Я отношусь ко всему этому с таким благоговейным трепетом, что куда уж мне переkreивать! Пусть музыканты решают. Они для меня — как те люди, которые знают японский, то есть совершенно особые люди. У них другие мозги, другая психология. Лучше я к ним прислушаюсь.

— У вас актеры на репетициях в

голос обсуждают: это бы я сделал так, а это не так. И к ним тоже?

— Я очень люблю, когда артисты что-то предлагают. Только не говорите — делайте! Я никогда против не буду.

— Наверняка, идя сюда, вы рисовали себе детальную картинку: как я ставлю оперу, и наверняка вас подстерегали неожиданности. Назовите такую, с которой вы не справляетесь?

— Думаю, что вся эта постановка — именно та неожиданность, с которой я не справляюсь (смеется). Но будем надеяться, что выйдет хотя бы не несучно. Хотя это, наверное, неправильно. Надо надеяться на то, чтобы хорошо спели — потому что оперу все-таки прежде всего слушаешь.

— Вы вступаете в противоречие с дедом. По Покровскому, опера — прежде всего театр, зрелище.

— Я не вступаю в противоречие с дедом. У него опыта больше, а я, наверное, только по молодости лет так считаю. Думаю, мой собственный опыт в дальнейшем будет мне показывать, что он все-таки прав.

— Вы хотите сказать, что у вас уже есть другие оперные предложения?

— Мне дай Бог с этим развязаться — без большого, скажем так, скандала.

Беседу вела
Лариса ДОЛГАЧЕВА